

Лицо Шао Цихана стало настолько мрачным, что, казалось, из него можно было выжать воду. Он слегка пошевелил губами, но ничего не сказал, лишь нахмурился, схватил руку Мужун Цзю и решительно двинулся вперёд.

Две фразы Бай Сяоси вызвали бурю в толпе зрителей. Никто не ожидал, что кто-то осмелится вести себя так дерзко перед ними.

— Кто эта женщина?

— Разве это не секретарь из студенческого совета, который недавно стал известен?

— Что с ней? Я только помню, что она играла в спектакле с господином Ханем и господином Цзю, а потом стала партнёршей Ханя на балу! Говорят, из-за этого господин Цзю даже подрался с Ханем.

— Она предложила реформировать структуру студенческого совета, чтобы все были равны, и председатель Жун сильно разозлился из-за этого.

— Какой странный человек.

— Она поступила в этом году через общий экзамен.

— О... Без денег, но с амбициями!

Эти откровенные шёпоты, доносившиеся по ветру, достигли ушей Шао Цихана и Мужун Цзю, и их реакции были разными. Лицо Шао Цихана постепенно прояснялось, и даже появилась лёгкая улыбка, а Мужун Цзю выглядел озабоченным.

Шао Цихань, сдерживая смех, с каменным лицом тащил озабоченного Мужун Цзю вперёд, но разве Бай Сяоси была из тех, кто легко сдаётся?

— Хань, я знаю, ты делаешь это ради Цзю, я всё понимаю, я всё понимаю!! — Бай Сяоси, стоя на месте и прижимая руки к сердцу, с глубоким чувством воскликнула:

— Но у меня тоже есть предел, Хань, ты ведь понимаешь, что твоя холодность и безразличие ранят меня! Зачем считаться с Цзю? Ведь истинная любовь не может быть неправильной!

Шао Цихань чуть не споткнулся и едва не упал, но Мужун Цзю, хоть и был им увлечён вперёд, всё же удержал равновесие и предотвратил падение.

Наблюдая за Шао Циханем, Мужун Цзю был поражён.

Какой кошмар!

Неизвестно почему, но Мужун Цзю вдруг почувствовал бесконечную жалость к Шао Циханю,

но вскоре эта жалость исчезла, так как Бай Сяоси решительно переключила своё внимание.

— Цзю, почему ты не можешь позволить двум влюблённым быть вместе? Разве это не прекрасно? Посмотри на Ханя, из-за тебя он так страдает, он не может выразить свои чувства, он не может сказать о своей любви!

— Ты закончила? — В глазах Шао Цихана горел холодный огонь, он шаг за шагом приближался к Бай Сяоси и мрачно произнёс:

— Женщина, заткнись! (...)

Бай Сяоси немного испугалась, так как Шао Цихань, ростом более метра восьмидесяти, казался таким высоким, а его широкие плечи придавали ему ещё больше внушительности. Она оказалась в тени Шао Цихана, ощущая огромное давление.

Но не бояться насилия было одним из главных качеств Бай Сяоси. Если бы она действительно могла «заткнуться», то была бы не Бай Сяоси, а просто очередной второстепенной фигурой. Она сглотнула, а затем ещё громче закричала:

— Хань, хватит лицемерить! Я знаю, что ты меня любишь, и я тебя люблю! Почему между нами должен быть кто-то третий?

Шао Цихань поклялся, что за более чем двадцать лет жизни он никогда не был так зол. Его волосы были на грани встать дыбом, брови сведены так, что могли бы раздавить сотню мух, а сердце билось так сильно, словно вот-вот остановится. В его голове открылся клапан, и разум вместе с воспитанием кричали «свобода!», как дикие кони, мгновенно исчезнувшие из виду. Шао Цихань в ярости взмахнул рукой и заорал:

— Ты, блядь, и есть третий! Вся твоя семья, блядь, третьи!!!

Бай Сяоси в страхе закрыла глаза, и слёзы, накопившиеся в них, мгновенно хлынули, словно дождь из лепестков.

Ожидаемая пощёчина так и не пришла. Бай Сяоси осторожно приоткрыла один глаз, затем смелее открыла оба.

Мужун Цзю с каменным лицом держал запястье Шао Цихана.

— Что ты делаешь? — взбешённый Шао Цихань резко дёрнул рукой, но не смог освободиться. Он с гневом смотрел на Мужун Цзю, его кулак всё ещё был сжат.

— Ты уже нарушил одно правило, не нарушай другое, — спокойно сказал Мужун Цзю, переводя взгляд на напуганную Бай Сяоси. — Бай Сяоси, похоже, у тебя мания преследования. Пусть твоя мать отведёт тебя к врачу.

— Какая мания преследования? Что это? — на лице Бай Сяоси было написано недоумение.

Мужун Цзю тихо вздохнул, закрыл глаза и сказал Шао Циханю:

— Пойдём, не будем задерживать учителя Ляо.

Учитель Ляо, о котором говорил Мужун Цзю, остался в школе специально ради Шао Цихана и Мужун Цзю, и его нельзя было долго задерживать.

Шао Цихань всё ещё стоял на месте, с ненавистью глядя на Бай Сяоси, но его кулак постепенно разжимался.

— Пойдём, — снова сказал Мужун Цзю, слегка потянув его за собой, и Шао Цихань покорно последовал за ним.

— Ты собираешься бить женщину? Тебе не стыдно? — Мужун Цзю был измотан.

Шао Цихань усмехнулся:

— А почему должно быть стыдно?

— Ты уже выругался, а теперь хочешь сделать что-то ещё хуже? — Мужун Цзю не сдержал вздоха.

— С такими людьми, если не дать им пощёчину, они никогда не поймут, — мрачно сказал Шао Цихань. — Кто сказал, что нельзя бить женщин? Разве это не дискриминация?

— Это называется дискриминацией? — подавленный Мужун Цзю невольно рассмеялся над логикой Шао Цихана.

— Все равны, я могу бить мужчин, но не могу бить женщин, разве это не дискриминация? — Шао Цихань уже не злился. На самом деле его злость была вызвана Мужун Цзю, и, видя, что тот не слишком переживает, он успокоился.

Кажется, я переоценил влияние Бай Сяоси на А Цзю! — с радостью подумал Шао Цихань.

Мужун Цзю с досадой сказал:

— Твоя логика...

— Я просто очень разозлился, — Шао Цихань бросил взгляд по сторонам. После этого инцидента толпа зрителей мгновенно рассеялась, и теперь вокруг них никого не было. — Что

за бред она несла? «Почему должен быть кто-то третий?» У таких людей, наверное, мозг кишит червями.

— Ты ведь хорошо ответил, — Мужун Цзю надавил на желудок, стараясь не представлять описанную Шао Циханем картину.

— Я тоже так думаю, — Шао Цихань едва заметно улыбнулся.

Для него женщина, появившаяся между ним и А Цзю, разве не была третьей?

Мать Бай Сяоси, Бай Хуаньцзюнь, разве не была третьей?

Шао Цихань ещё не знал о семейной истории Бай, но если копнуть глубже, то бабушка Бай Сяоси, мать Бай Хуаньцзюнь, разве не была третьей?

«Ты — третий» было верно, а «вся твоя семья — трети» было ещё вернее.

Избавившись от назойливой помехи, они быстро завершили свои дела. Шао Цихань и Мужун Цзю стояли перед огромной бронзовой статуей перед административным зданием, выглядевшими весьма уверенно.

— Мы закончили, — с ностальгией сказал Шао Цихань, оглядываясь на свои студенческие годы, которые прошли так незаметно. Он не особо учился, не особо встречался с кем-то, а просто проводил время, не зная где, но за несколько дней до выпуска понял, что стал геем, и это было очень захватывающе.

— Досрочный выпуск — значит, не будет выпускной мантии, — с улыбкой сказал Мужун Цзю.

В его душе была смесь чувств. В прошлой жизни он тоже мог бы раньше покинуть университет и сосредоточиться на карьере, но Бай Сяоси разрушила его планы — ради неё он остался председателем студенческого совета, чтобы быть ближе к ней, и к моменту своей смерти он имел только аттестат о среднем образовании...

<http://bllate.org/book/15114/1335687>